

указания писателя, что, собирая материал для своего труда, он разыскивал и расспрашивал надежных очевидцев, справлялся в летописях, грамотах и иных документах или описывал то, чему лично был свидетелем. Автор повести о «мужестве и житии» Александра Невского объяснял причину, побудившую его взяться за перо, тем, что сам был очевидцем жизни князя и слышал о нем от людей старших летами: «И начинаю писати. . . понеже слышах от отец своих и самовидец есть возрасту его». Рассказывая о Невской битве и подвиге шести «мужей храбрых», автор удостоверяет истинность рассказа ссылкой: «сия же вся слышав от господина своего князя Александра и от иных же в то время обретошася в той же сече». Описывая Ледовое побоище, он снова подкрепляет рассказ указанием: «се же слышав от самовидца». Елифаний, прозванный Премудрым, в нескольких сделанных им замечаниях рассказал, как работал он над житием Сергия Радонежского, которого знал лично и с которым прожил в монастыре много лет. Вскоре после смерти Сергия Елифаний начал записывать для себя события его жизни «запаса ради и памяти ради». Он вел заметки «не по ряду, но передняя позади, а задняя напереди», вспоминая то, что видел сам, расспрашивая брата Сергия, келейника Сергия и других, знавших жизнь святого. Много лет спустя писатель решил обработать эти записи живых воспоминаний и использовал их для обширной биографии Сергия. Ссылки на «свидетелей известных», «достоверных муж», «самовидцев», у которых автор «изысках» «достовернейшее», встречаются у древнерусских агиографов постоянно. «Самовидцы» деятельности выдающегося лица нередко сами испытывали потребность записать виденное и слышанное, чтобы сохранить от забвения проходившую перед ними жизнь или поразившее их событие. Такие записи, сделанные иногда под свежим впечатлением, как бы с натуры, не раз служили древнерусскому писателю в качестве одного из важных источников, и он использовал «памяти» современников подчас так, как они были написаны, мало меняя их безыскусный слог.

Когда древнерусский живописец, подобно Симеону Соколу, расспрашивал «самовидца», чтобы получить материал для работы, когда, подобно Игнатию, делал рисунок с натуры, подготавливая материал для живописного произведения, и, подобно другому мастеру, исполнял по такому рисунку портретное изображение или когда, подобно Дионисию Глушицкому, писал портретное изображение, смотря на модель, — он, живописец, работал так же, как работал современный ему писатель.

Творчество художника древней Руси не «боялось» и не «чуждалось» действительности и не «отвращалось» от нее. Неверно, что живопись «не знала человека и не догадывалась о необходимости изучать его внешние формы с натуры».¹⁷ Несомненно, однако, что непосредственное наблюдение действительности и изучение ее играли в творчестве древнерусского художника несравнимо меньшую роль, чем в творчестве художника нового времени, и много большее значение имела художественная традиция, хотя бесспорным представляется и то, что отдельные элементы традиции основывались на наблюдениях природы и исправлялись ими. Творчество художника древней Руси отражало еще очень малый круг жизненных явлений: знание действительности было в его время крайне ограниченным, примитивным. Однако это — уже особая тема.

¹⁷ Ф. И. Буслаев, Сочинения, т. I, стр. 23